

Ранним утром. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chukovskiynikolai.ru/> приятного чтения!

Ранним утром. Николай Корнеевич Чуковский

Заседание нашего комитета продолжалось весь день, и я отправился на аэродром, не успев даже заехать на квартиру. Жене я позвонил по телефону и сказал ей, что вернусь послезавтра. Я соврал, что пообедал в комитете, – на самом деле у меня с утра не было ни минуты, чтобы поесть. Это меня тревожило мало, – я знал, что в самолетах на дальних рейсах кормят, а рейс мне предстоял очень дальний, чуть ли не через всю страну. Я проведу в самолете ночь и завтра окажусь в большом городе на востоке. Никогда я не видел этого города, по правде сказать, и не увижу, потому что завтра прямо с самолета поеду в тамшнее представительство нашего комитета и буду заседать весь день. Следующую ночь я опять полечу – обратно, в Москву. Послезавтра доложу председателю комитета о результатах.

Уже темнело, когда огромный наш самолет взлетел. Спустя некоторое время пассажиров действительно накормили. Вокруг меня все заснуло, и я с завистью смотрел на спящих, потому что мне хотелось заснуть, но не спалось. После сорока лет я стал очень плохо спать в дороге. Я закрывал глаза, но передо мной сразу вставали лица, которые я видел на заседании; мне приходили в голову убийственные реплики, которые я мог бы подать выступавшим, но не подал. Я думал о завтрашнем заседании: что я скажу, и что, вероятно, мне возразят, и как я буду отстаивать точку зрения комитета... Наконец мысли мои стали путаться, и я погрузился в тот смутный тяжелый полусон, который изнуряет больше откровенной бессонницы.

Я очнулся, потому что по колотью в ушах понял, что мы снижаемся. Бортпроводница велела застегнуть ремни. Неужто мы прилетели? Я взглянул на часы. Половина четвертого. А прилететь мы должны были в девять. Что же случилось?

Нам объявили: вынужденная посадка на промежуточном аэродроме. Лица у моих соседей были встревоженные. Я же не испытал ничего, кроме досады. Весь мой план под угрозой, – если нас здесь задержат, я прилечу поздно, день пропадет зря, придется остаться еще на сутки, и послезавтра мне не быть в Москве. За окнами серая мгла, – впрочем, уже не совсем ночная, уже прозрачная. На крутом вираже я увидел внизу излучину большой реки. Звук моторов резко изменился, мелькнули огни аэродрома, бледные в предутренних сумерках. Самолет сел и подрулил к громоздкому зданию аэропорта.

Нам предложили выйти, разрешив оставить вещи в самолете. Мы побежали выяснять, скоро ли полетим дальше. Но выяснить ничего не удалось. Нам не объяснили даже причины посадки, – то ли с самолетом что-то не так, то ли на трассе что-то неладно. Нам сказали: до восьми часов будьте свободны, а в восемь приходите сюда, и там видно будет. Многие пассажиры очень горячились, и я, кажется, больше других. Я заявил дежурному по аэропорту, что лечу не ради собственного удовольствия, а ради дела, имеющего государственное значение. Он ответил мне такой вежливой и равнодушной улыбкой, что я еле сдержался. Злой и раздраженный вышел я из его кабинета.

До восьми оставалось четыре часа. В пятнадцати километрах от аэродрома лежал большой город, но ехать туда не имело смысла. Хмурый, невыспавшийся, я вышел на аэродром, обошел кругом наш самолет и пошел вперед по траве, – через поле.

Сначала я шел, ни на что не глядя, занятый только своей досадой. Первое, что я заметил, была роса на траве, – брюки мои внизу намокли и отяжелели. Потом я не мог не заметить неба. Оно было охвачено зарей, раскрывшейся передо мной, словно исполинский веер. Живые прозрачные краски зари менялись на глазах – голубое лиловело, лиловое розовело, розовое накалялось и становилось багровым, как пламя, багровое делалось золотым. Золотее всего было у той черты, где поле соединялось с небом, и я понял, что там через несколько минут взойдет солнце.

И внезапно я подумал о том, что мне давно не приходилось видеть восход солнца. Очень, очень давно. Когда я видел его в последний раз? Может быть, в детстве... Или на фронте.

И досада моя стала таять. Под этим ликующим небом меня вдруг охватило ощущение радости и свободы. Пестрая от цветов трава была мне уже почти по колено, и я с удивлением подумал, что вот ведь весна уже кончается, уже начинается лето. Я

Ранним утром. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru удивился, потому что в нынешний год как-то не заметил весны, – хотя отлично знал, что сейчас идет второй квартал года и что на предприятных, входящих в систему нашего комитета, он идет с некоторым перевыполнением плана; правда, не таким большим, как мы ожидали... Жаворонок брызнул из травы, из-под самых моих ног, и пошел прямо по вертикали все вверх, вверх, вверх и вдруг замер и неистово затрепетал на одном месте, и запел, трепеща; оттуда, сверху, он уже видел солнце. Через полминуты я тоже увидел солнце, высунувшее невероятной яркости ободок над краем поля, и зашагал прямо к нему.

Аэродром со своими сооружениями, самолетами, бетонированными полосами остался далеко позади. А впереди, в километре от меня, поле упиралось прямо в небо. И я шел все быстрее, стараясь отгадать, что там. Скот? Обрыв?

Дойдя до края, я замер, пораженный.

Поле кончалось откосом, совершенно отвесным, уходившим в глубину метров на сто. Внизу под откосом была река – та самая, которую я видел с самолета; лучи только что вставшего солнца еще не коснулись ее, и вся она была покрыта мягкой шкуркой тумана. Противоположный берег реки был низкий, и отсюда, с откоса, видна была необозримая даль, уходившая во все более глубокую голубизну.

Я видел квадраты пашен, и полумесяцы лугов, и темные зелено-синие пятна громадных лесов, и прозрачные опоры электропередачи, похожие на великанов, гуськом уходящих за горизонт; видел пересекающиеся серые стрелы шоссе и дорог, и электропоезд, ползущий вдаль медленно, как гусеница, и поселки с легкими, как на макете, домиками. У дальней речной излуины стоял завод. Он, вероятно, был громаден, но отсюда, отдаленный от меня на десятки километров, казался собранием колб, тиглей, змеевиков и пробирок на столе у алхимика. Дымились темные шатры его градирен; клубочки пара, отделяясь от них, медленно ползли над этим простором, в который я вглядывался со счастливым головокружением.

Смотреть мне приходилось сквозь живую сеть из ласточек. Их было множество; они с пронзительным свистом носились над краем откоса, иногда почти задевая меня. Их бесчисленные гнезда были у меня под ногами, в ямках отвесной глинистой стены откоса; они вырывались из них с силой снарядов и, как снаряды, влетали обратно. Да и все вокруг жило и двигалось. Кузнечики гремели в траве и делали огромные прыжки; некоторые вскакивали мне на плечи. Мохнатые шмели копошились в чашечках цветов. Синие стрекозы замирали в воздухе на одном месте; потом, метнувшись, как по команде, в сторону, снова замирали. И скоро обнаружилось, что я в этот час не единственный человек на откосе.

По тропинке, протоптанной в траве вдоль края откоса, медленно двигалось странное сооружение. Кресло на двух велосипедных колесах по бокам. Кресло катилось потому, что его толкал сзади худенький мальчик лет десяти-одиннадцати, в коротких штанишках. Кто-то сидел в кресле, закутанный в шаль или в одеяло; сначала по этой шали мне показалось, что женщина. Но когда кресло подкатило ближе, я разглядел, что это мужчина. Старик.

Откуда они взялись здесь – старик и мальчик? Метрах в трехстах от себя, над откосом, увидел я железную крышу приземистого домика. Кроме крыши, ничего не было видно, потому что домик был весь закрыт белым облаком вишневых деревьев в цвету. Мне подумалось, что кресло на колесах выкатилось как раз из этого домика. Мальчик толкал кресло прямо ко мне и остановил его в пяти шагах от меня. В меня внимательно вглядывались две пары глаз – ребенка и старика.

Это был очень старый старик. Большой голый череп обтянут коричневой кожей, коричневое длинное лицо в глубоких морщинах. Еще когда кресло катилось, я заметил, как беспомощно моталась его голова при каждом толчке. Ноги, закутанные в одеяло и опущенные на прилаженную снизу дощечку, были совсем неподвижны. Сидя в кресле, он казался небольшим и ссохшимся, но если бы он встал на ноги и распрямился, он был бы человеком высокого роста. Особенно поразили меня его руки, бессильно лежавшие на подлокотниках; очень крупные и очень старые коричневые руки со вздутыми плетями толстых жил, с утолщениями на всех суставах длинных пальцев. На безымянном пальце правой руки было два золотых кольца, как иногда носят вдовцы.

Старик и мальчик приблизились ко мне, вероятно, просто потому, что я оказался на том самом месте, где они привыкли останавливаться каждое утро. Возможно, я им

Ранним утром. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru помешал своим присутствием. Мальчик, кажется, смотрел на меня с недовольством. Да и старик без особого удовольствия устремил на меня светлые выцветшие глаза с острыми пронзительными зрачками. Но тут над аэродромом появился огромный, сверкающий белизной лайнер и пошел на посадку. И мы все трое задрали головы. Когда лайнер сел и побежал по аэродрому, старик проговорил пренебрежительно:

– летающий шкаф.

– Как вы сказали? – удивился я, думая, что ослышался, так как моторы севшего самолета все еще гремели.

– Комод летает, – повторил старик в кресле. – Большой летающий ящик.

«Э, да ты старый ворчун, – подумал я. – Привык смолоду ездить на телегах, и теперь тебе самолеты не нравятся».

– Авиация существует около семидесяти лет, – сказал старик, когда моторы утихли, – и все эти семьдесят лет я время от времени читаю в газетах, что человек стал крылат и научился летать. При этом чаще всего поминают древнюю сказку про Дедала и Икара: вот, мол, прежде люди летали только в сказках, а теперь на самом деле. И все семьдесят лет ошибаются. Между нашими полетами и полетом Дедала никакого сходства нет. Дедал хоть и в сказке, а сам летал; мы же с вами садимся в летающий ящик, и ящик летит, а не мы. Нет, человек еще не научился летать, он даже не начал учиться. Человек и на аршин подняться не может. Вот кто летает, – он взглянул на пронесившихся над обрывом ласточек, – а не люди.

Я по-прежнему считал все, что он говорил, воркотней старого человека, недовольного новыми временами, но слушал его с любопытством. Такого взгляда на авиацию я еще не встречал.

– Когда я был маленьким, – продолжал он, – все взрослые вокруг меня говорили о полетах братьев Райт. Помню фотографию – их самолет в воздухе, над толпой, над множеством громадных дамских шляп с перьями. Потом пошли толки о новых отважных летчиках, заграничных и русских. Сколько их гибло! И я хотел быть таким же отважным, как они, и старался перестроить нашу садовую тачку в самолет. Моноплан, биплан – это были самые любимые мои слова. Но уже тогда я не сомневался, что люди летают в монопланах и бипланах лишь оттого, что еще только учатся летать. Я был уверен, что к тому времени, когда я стану взрослым, все будут летать без всяких бипланов, даже дети. Вспорхнул – и ты уже на крыше сарая. Вспорхнул – и ты на крыше дома, на пожарной каланче, на церковном кресте. Дверей тебе не нужно, лети прямо в окно, – даже если живешь на шестом этаже. Река – перелетел через реку. Лес – сел на самую верхнюю ветку, глядишь кругом и болтаешь ногами. Облачко – ты уже за облачком!..

Коричневая кожа на лице его шевельнулась, вокруг глаз побежали цепочки морщинок, и все это неожиданно превратилось в улыбку – добрую, лукавую и беспомощную. И я впервые догадался, что речи его надо принимать не совсем всерьез, что он, быть может, отчасти и шутит.

– Но стал я взрослым, а никто летать не научился, – проговорил он с грустью. – Зато летающих ящиков становилось все больше, и летали они все быстрее, все дальше. А человек не может взлететь даже со скоростью этого шмеля. Человек по-прежнему летает только во сне..

Он задумался, прикрыв глаза большими веками, как у совы. Но через минуту острые его зрачки опять уставились мне прямо в лицо.

– Вам часто снятся сны? – спросил он. – Я мало и плохо сплю, и меня мучают сны. Но есть один сон... Счастливый... Он снится мне на протяжении всей моей жизни – один и тот же сон... Бывает ли так с другими людьми – чтобы сны повторялись? Не могу припомнить, когда этот сон приснился мне впервые, – может быть, когда я был еще младенцем и не умел ходить. В детстве он снился мне очень часто, но потом, когда я стал взрослым и сильным, он снился реже, – так редко, что я забывал о нем на целые годы. Теперь, в старости, я опять вижу его почти каждую ночь... Этот сон – полет, в нем ничего нет, кроме полета, ни одного ясного зрительного образа. Я лечу в пространстве среди голубых и серебряных волн света, среди голубого и серебряного блеска. Я лечу стремительно, то взлетаю, то падаю, и трудно сказать, что блаженнее – взлетать или падать... Я, конечно, хорошо знаю, что теперь для

Ранним утром. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy@nikolai.ru меня означает этот сон... Не понимаете?.. Старое сердце, перебои... Я умру во время такого сна. И отлично. Счастливая смерть... И все-таки жаль, что мне ни разу не пришлось полетать вниз. Не в ящике, а вот как эти ласточки...

Слушая его, я жалел, что никогда не вижу такого сна, и сам чувствовал желание полетать, как ласточка. Однако мне было обидно за авиацию.

– Вы несправедливы к летающим ящикам, – сказал я. – От самолета братьев Райт до наших дней авиация прошла невероятный путь. Трудно назвать другую область, где бы человечество достигло таких успехов в такой короткий срок. Нет, вы несправедливы.

Старик не ответил. На лице его не отразилось ничего.

– Неправда, он справедливый! – сказал мальчик громко и запальчиво, и лицо его под светлым выгоревшим чубиком волос порозовело от негодования. – Он очень справедливый и все знает!

Меня поразило, что мальчик говорит о старике, как об отсутствующем, хотя стоит с ним рядом.

– А он не слышит, – сказал мальчик.

– Ничего не слышит?

– Ничего.

В этом невозможно было сомневаться. Старик во время нашего разговора не двинул ни одной морщинкой на лице. Он был глух.

– Это твой дедушка?

Глухота обрекла старика на монологи. Он лишен был возможности слушать собеседника, он вынужден был говорить один. Мысли переполняли его. Неподвижный, прикрученный одеялом к креслу, он смотрел в простор за откосом и мечтал о летающих людях.

– Мы трехмерные существа, живущие в трехмерном мире, – заговорил он опять. – Но удивительно, до чего мало мы используем третье измерение. На плоскости проходит наша жизнь, и мы передвигаемся почти исключительно по плоскости. Высота наших многоэтажных зданий ничтожна в сравнении с шириной наших городов. Высота, на которой летают самолеты здешнего аэродрома, ничтожна в сравнении с длиной их трасс. Длина туннелей московского метро – сотни километров, а глубина – несколько десятков метров. Наши поезда, суда, автомобили движутся только по плоскости. Мы изучили каждый вершок поверхности нашей планеты, но не знаем, что находится в шести километрах под нами! Наша жизнь издавна приурочена к плоскости, к двум измерениям, и вот почему мы живем так тесно. Овладеть трехмерностью пространства – не с натугой, не урывками, не для некоторых, а свободно, щедро и просто, как владеют им все эти птицы и букашки, можно, только научившись летать.

Вы мне скажете, что авиация – тоже выход в третье измерение, – продолжал он, угадывая, что я возразил бы ему, если бы он мог меня слышать. – И вы совершенно правы. Авиация – рывок из второго измерения в третье, героический рывок. Наш век – век освобождения человечества, в том числе и от плоскости. Человек впервые увидел свой мир не сбоку, а сверху, – разве уже одно это не великий переворот? До нас жили тысячи поколений, но ни один человек ни разу не видел мир таким, каким он предстал перед нашими глазами благодаря авиации. Наше искусство консервативно и косно. Художники по-прежнему изображают землю, увиденную с земли, и море, увиденное с берега. Облака у них плоские, какими кажутся снизу, расставленные в одной плоскости по плоскому небу. А ведь с наших самолетов мы видим облака совсем другими. Они – как горные хребты, висящие в пространстве без опоры, они – как башни, устремленные ввысь, они – как извивающиеся в пустоте драконы. Они многоярусны, многоэтажны, они прорезаны столбами света, в них исполинские сумрачные пещеры с клубящимися сводами, они всегда трехмерны и объемны, и плоского в них нет ничего. А какая радость смотреть на облака сверху! Они белые, как снег, но в их белизне есть лиловатость – ведь они отражают тайную лиловатость верхнего неба... Или вдруг в разрыве увидеть полыхание заката – далеко

Ранним утром. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy.nikolai.ru внизу, отраженное в каком-нибудь озере, в бездне под тобою. Или две луны – одна висит в небе с тобой наравне, а другая, совершенно такая же, смотрит на тебя снизу, с поверхности моря...

Он закрыл глаза – наверно, чтобы яснее представить себе облака. Но вот его острые зрачки опять уставились мне в лицо.

– Для того чтобы оторваться от земли, – продолжал он, – нужна была скорость. И вся история авиации – это история борьбы за скорость. Сто километров в час. Невероятно! Сто сорок километров в час! Во время Отечественной войны истребители летали со скоростью, превышавшей триста пятьдесят километров. После войны мы полетели быстрее звука... Это достигнуто меньше чем за одну мою жизнь. А вы говорите, что я не люблю авиации!.. Для того чтобы оторваться от земного шара, нужно делать восемь километров в секунду. В шесть раз быстрее, чем летит артиллерийский снаряд. Такая скорость тоже уже достигнута и тоже уже превзойдена. Впрочем, это уже не авиация, а космонавтика... Но чем быстрее мы движемся, тем меньше становится наша земля. Какой громадной казалась она Магеллану, потратившему пять лет, чтобы оплыть ее кругом. А теперь космонавт делает виток вокруг земного шара за час с небольшим. Пройдет несколько лет, скорости еще возрастут, и люди начнут заселять другие планеты. Мы движемся все быстрее, но зато земля, словно по волшебству, сжимается у нас на глазах. Белое море оказывается рядом с Черным, Атлантический океан рядом с Тихим. Земной шар сжмивается, и в конце концов мы превратим его в зернышко, в пылинку. Увеличивая скорость, мы всегда теряем столько же, сколько находим. Пешеход, прошагавший пятьдесят километров, видит больше, чем автомобилист, проехавший по шоссе пять тысяч. Разве я против скорости? Нет, я за скорость! Только нужно научиться приобретать, ничего не теряя. Нужно вести борьбу за скорость и тут же, одновременно, бороться за медленность. За то, чтобы летать как можно медленнее. Чтобы неподвижно стоять в воздухе, вот как эта стрекоза.

– Но ведь существуют вертолеты, – проговорил я.

Старик, конечно, меня не услышал, но вместо него мне неожиданно ответил мальчик.

– Вертолет – тоже летающий ящик, – сказал он надменно. Он, видимо, хорошо изучил мысли своего деда.

– Летать неторопливо, лежать в воздухе, парить в струе ветра! – сказал старик. – Оторваться от подоконника и взлететь на пятьдесят, на сто метров ввысь! Никогда не поверю, что это невозможно. Человек весит каких-нибудь семьдесят килограммов, а ведь мы поднимаем целые вагоны выше Гималаев. И не можем поднять семьдесят килограммов на пятьдесят метров. Смешно! – Он и вправду рассмеялся – над тем простофилей, который вздумал бы ему возражать. – Просто руки еще не дошли, просто никто не подумал об этом, один я, человек неученый и всю жизнь слишком занятый... Меня давно удивляет, что мы не замечаем, какой двойной жизнью мы живем. Мы уже думаем о полетах на другие галактики со скоростью, близкой к скорости света, а в обыкновенном каждодневном нашем быту тяжело прикованы к земле, теснимся в узких улицах, в грязных дворах. Выскочить!.. Вырваться!.. Освободиться от тяжести собственного тела!.. Сорваться с этого откоса, пронестись над рекой, проплыть вон над тем лесом, развернуться над заводом и присесть на ту баржу – вот она выползает из-за поворота. На барже доски прогреты солнцем, там можно полежать, подождать, когда она поравняется с нашим откосом, и – взмыть, и прямо сюда!.. Если счастье полета станет доступным каждому, весь наш мир преобразится. У домов не будет дверей, а только окна – вроде леток в ульях. Мы не будем больше использовать землю для ходьбы и езды, все панели, мостовые, площади, дороги станут садами, и вся наша жизнь будет в воздухе, в трех измерениях. Ребенок вспорхнет и полетит, как ангел на старой картинке. Целые стайки ребят, как стайки голубей, будут играть над крышами, как сейчас играют во дворах. Люди постарше будут пролетать неторопливо, плавно, парами. Праздничные шествия со знаменами будут двигаться не по площадям, а по небу. Влюбленные будут прятаться за облаком и там целоваться.

Слушая эти описания будущих полетов, мальчик давно уже взмахивал руками, как крыльями. Тут он не выдержал и вдруг побежал по самому краю откоса, раскинув руки. Река внизу уже совсем освободилась от тумана и блестела на солнце, как кусок твердого металла. Мальчик подпрыгивал на бегу, воображая, что он летит. Старик следил за ним глазами.

Ранним утром. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
– Все, что уходит от меня, приходит к нему, – сказал он. – Я уже никогда не побегу по этой дорожке, не буду прыгать, не буду махать руками. Нет у меня больше ни рук, ни ног. Если бы он не привозил меня сюда, я никогда не видел бы ничего, кроме моей комнаты. Все уходило от меня постепенно – женская любовь, здоровье, сила, работа, путешествия, прогулки, людские голоса. Только видеть и думать – вот все, что мне осталось. Но то, что уходит от меня, приходит к нему. Ничто не исчезнет, все к нему придет – и любовь, и работа, и странствия, и радости, и страдания. И начнет он там, где мы кончили, и сделает то, чего мы не успели. А мне пора.

Мальчик, далеко от нас отбежавший, вдруг словно опомнился. Он остановился, оглянулся. И со всех ног побежал назад.

– Мне пора, – повторил старик, – и жалеть об этом я не имею права. Где мои сверстники? Их давно уже нет. И то, что я сижу здесь, и грею плечи на солнце, и смотрю – это чудо. Невероятная случайность, несправедливая случайность. В Карпатах, в ту первую войну, нас из полка уцелело шестнадцать человек, и я в том числе. При Врангеле я сидел в симферопольской тюрьме, нас в камере было двадцать шесть, и я один вышел оттуда живым. А потом, через годы, в немецком лагере нас четверо уцелело из всего барака. Три войны – попробуй пройди через такое сито!

Он опять улыбнулся своей нежданной доброй улыбкой – щепочки морщин разбежались вокруг глаз.

– И все-таки недурной мир мы ему оставляем, а? – сказал он мне, кивнув в сторону подбежавшего мальчика. – Честное слово, этот мир был куда хуже, когда мы его приняли от наших дедов. Мы его славно перетрясли и застроили. Но, конечно, дело еще в самом начале. И летающие школьники будущих веков, живя в своих дворцах на разноцветных планетах, станут путать нас с людьми каменного века!

Мне пора было в аэропорт. Я кивнул и по высокой траве, из которой прыскали кузнечики, пошел через поле, думая о прелести мира, о величии человека, о скоротечности даже самой длинной жизни, о нежности, соединившей старика и ребенка, о том, что умение мечтать куда удивительнее умения летать, и черт его знает о чем еще.

1964 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chukovskiy Nikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!